
М. Е. КОТЕЛЬНИКОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В КОНЦЕПЦИИ КАУТСКОГО

В отечественной литературе советского периода прочно обосновалась установка, согласно которой между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным – с другой, лежит полоса сплошного *опошления* марксизма, представленная возглавляемым К. Каутским «обанкротившимся» II Интернационалом. Указывая на противоречивый характер эволюции его социально-политических и философских воззрений, советские марксисты руководствовались ленинской оценкой, в соответствии с которой она рассматривалась, в конечном счете, как центристская и оппортунистическая. Фиксируя факт полного отречения от марксизма у Каутского и подчеркивая значение представленных в его работах марксистских положений, В. И. Ленин в 1916 г., обращаясь к читательской аудитории, просил «не забывать, что Каутский до 1909 г., до его прекрасной брошюры «Путь к власти», был врагом оппортунизма, к защите которого он повернул лишь в 1910–1911 гг., а решительнее всего лишь в 1914–1916 гг.»¹. Центризм Каутского, с точки зрения Ленина и других ортодоксальных марксистов, выразился в занятой им примиренческой позиции по отношению к ревизионистам, защите правых оппортунистов от критики слева, *обнаружившемся (вдруг?)* непонимании сущности эпохи революционного преобразования мира. Для идейной ориентации Каутского, по мнению С. М. Брайовича, «с начала 80-х годов XIX в. до конца его жизни характерна вера в историческую необходимость наступления социализма. Однако марксистская теория, – по его словам, – никогда *не была понята* им

---

¹ Ленин, В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259. Переведенную на многие европейские языки, Ленин аттестует работу «Путь к власти» как «самое цельное, самое благоприятное для немецких социал-демократов (в смысле подаваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи, принадлежащее перу самого авторитетного во II Интернационале писателя» (Ленин, В. И. Мертвый шовинизм и живой социализм (как восстановить Интернационал?). Полн. собр. соч. Т. 26. С. 98).

во всей ее *целостности* и во всей ее *глубине*. Для него было свойственно понимание марксизма как экономического учения, сведение его философского содержания *лишь к материалистическому пониманию истории*, неглубокое понимание роли субъективного фактора, *недооценка диалектики*² (курсив мой. – М. К.). Главный упрек сводится к отсутствию у Каутского конкретно-исторического подхода, вследствие чего его «стремление... быть верным *букве марксизма* оборачивалось *догматизмом*»³ (курсив мой. – М. К.).

Небезынтересно отметить, что тот же стандартный набор из догматизма, не критичности и непрактичности, выразившихся якобы в неумении *применить* марксистский диалектический метод на практике, Ленин, как известно, адресует и другому «высокоученому марксисту и преданному социализму вождю II Интернационала» – Г. В. Плеханову, теоретическая и политическая судьба которого еще менее завидна и поразительно напоминает перипетии каутскианской⁴. Подобно Плеханову, Каутский был обречен на отлучение от диалектики уже в силу не вызывающих сомнения принципиальных расхождений между его собственной и ленинской версиями марксизма. По этой причине взгляды Каутского, заслужившего «авторитет не только лучшего популяризатора и комментатора учения Маркса и Энгельса, но и теоретического вождя немецкой и международной социал-демократии», так и «не получили... детального исследования в советской философской науке»⁵.

Многое из того, что еще недавно (по историческим меркам) казалось самоочевидным, становится сегодня предметом критического переосмысления. Разве не является, например, «крайняя», *ортодоксальная* точка зрения всегда в то же время *односторонней* в силу своей прямолинейности, граничащей с догматизмом и перерастающей в него? И почему центризм не рассматривать в этом случае как попытку преодоления, «нейтрализации» такого рода ограниченности? Представлял ли Каутский, во всяком случае, какую-либо опасность для *развивающегося* марксизма, и если да, то в чем ее *гносеологические*, а не идеологические (имеющие для ортодок-

² Брайович, С. М. Карл Каутский – эволюция его воззрений. М.: Наука, 1982. С. 27.

³ Там же. С. 44.

⁴ См.: Ленин, В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 87–88.

⁵ Брайович, С. М. Указ. соч. С. 45, 3.

сального марксизма решающее значение) основания? Если противоречия служат источником развития (и по отношению к марксизму в том числе), должны ли марксисты стремиться к их всемерному обострению, превращая идеологическую борьбу в самоцель? Мог ли признанный вождь европейской и международной социал-демократии, изменив интернациональным убеждениям, в одночасье обнаружить националистическую «подкладку» и превратиться в отъявленного социал-шовиниста? Или все-таки диалектическая (а значит, и марксистская) интерпретация классовых и национальных интересов пролетариата не всегда предполагает *подчинение* второго фактора первому?⁶ Были ли клятвы Каутского в верности марксизму неискренними? И если центристы заняли «выжидательную» (по критериям *революционной* практики) позицию, такими ли уж бесплодными оказались их ожидания?

На протяжении многих десятилетий комплекс этих достаточно сложных в теоретическом отношении вопросов подвергался в рамках ортодоксального марксизма столь мощному идеологическому прессингу, что от подлинно диалектической методологии мало что оставалось. Советским марксистам вход в творческую лабораторию Марксова анализа исторического процесса был открыт только с «парадного крыльца», то есть при обязательном условии признания того, что «главное в учении Маркса – это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества»⁷. Для Каутского, как бы то ни было, роль субъективного фактора в диалектике мирового революционного процесса отнюдь не сводилась к учению о диктатуре пролетариата, но и не была «тайной» за семью печатями, как полагали ортодоксальные марксисты. Подводя поставленные вопросы под «общий знаменатель», можно свести их в интересующем нас отношении к одному: так ли уж были правы ортодоксы, утверждая, что «К. Каутскому не удалось понять историю общества в *единстве* естественноисторического и деятельностного аспектов»?⁸ (Курсив мой. – М. К.).

---

⁶ В этой связи Х. Н. Момджян, напоминая, что «история классово-эксплуататорского общества есть история классово-борьбы», замечает, что «неоднократно в истории тех или иных народов борьба антагонистических классов временно отодвигалась на второй план в силу необходимости борьбы против внешнего врага, в особенности агрессора» (Момджян, Х. Н. *Поль Лафарг и философия марксизма*. М.: Мысль, 1978. С. 159).

⁷ Ленин, В. И. *Исторические судьбы учения Карла Маркса* // Ленин, В. И. *Полн. собр. соч.* Т. 23. С. 1.

⁸ Брайович, С. М. *Указ. соч.* С. 110.

Деятельностная парадигма представлена в содержании формационной (как человеческий фактор в структуре производительных сил и наличная система общественных отношений), но не в качестве живой, непосредственной, а прошлой, *опредмеченной* деятельности, то есть в диалектически «снятом» (подчиненном и преобразованном) виде. Эта хорошо *видимая* сторона противоречия, будучи *противопоставлена* в рамках теоретического анализа «естественноисторическому» (формационному) аспекту, то есть фактически абсолютизирована, еще не раскрывает содержания социально-преобразующей практики, поскольку берется вне рамок диалектического тождества субъекта и объекта. Между тем именно в непонимании диалектического характера взаимосвязи формационной и деятельностно-революционной парадигм кроется источник заблуждений, ставших традиционными инсинуаций по поводу якобы присущего марксизму фатализма, финализма, автоматизма, «атеистического провиденциализма», с одной стороны, и – увы – вполне заслуженных обвинений в волонтаризме, адресованных ортодоксальным последователям Маркса, – с другой. «Философско-историческая установка», таким образом, теряет всю свою научную привлекательность как *руководства к революционному действию*, если в самом теоретическом знании неверно расставлены акценты в соотношении взаимодействующих полюсов механизма социальной детерминации. Сформулированный Марксом закон возрастания роли субъективного фактора в истории сыграл в этом смысле злую шутку с ортодоксальными марксистами ничуть не в меньшей (а принимая во внимание масштабы революционных преобразований даже в гораздо большей) степени, чем с их оппонентами, свернувшими с революционного пути на *реформистский*. Каутский избежал этой участи, справедливо полагая, что «в деле прогресса общества, в деле прогресса общественной науки и общественной организации материалистическое понимание истории оказывается сильнейшим нашим помощником. Теория помогает нам... делать это без *всякой мистики*, чуждаясь как простого *пассивного ожидания* грядущего, так и *нетерпеливых попыток* вырваться из цепей необходимости, перепрыгнуть через неизбежные фазы развития и *насильственно* изменить ход последнего»⁹; «вот

⁹ Каутский, К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. С. 838–839.

почему мы, *неомарксисты*, всеми силами стремимся распространить наш исторический метод и защитить его от недоразумений и искажений»¹⁰ (курсив мой. – М. К.).

В отличие от ортодоксальных марксистов, Каутский не отождествляет идеологическую сторону учения с социально-философским уровнем его многогранного теоретического содержания. Придерживаясь марксистской методологии, он справедливо полагает, что теория является продуктом своего времени и конкретно-исторических обстоятельств и, естественно, изменяется вместе с ними. На этом основании вполне естественно было допустить, что со сменой исторических эпох на рубеже XIX–XX вв. материализм исторический должен был изменить свою форму подобно тому, как в естествознании он, по словам Энгельса, меняет ее с каждым составляющим эпоху открытием. Иначе говоря, «периодическая ревизия марксизма является, – по словам Каутского, – неизбежной и даже необходимой», но, разумеется, делает он оговорку, она может быть оправдана только в том случае, когда не ставит под сомнение истинность марксизма в целом и не направлена на возврат к домарксову методу мышления. Все дело, однако, в том, что пересмотр основополагающих теоретических положений в редакции Бернштейна превратился, по существу, в «зряшное» отрицание диалектической, то есть научной, сущности марксизма.

Сегодня очевидно, что Каутский серьезно недооценивал опасность бернштейнианского ревизионизма, заявляя, что уже в начале XX в. он представлял собой умершее течение. Впрочем, если ему можно вменить теоретические просчеты и «политическую близорукость», повлиявшие на усиление *теоретической* эрозии марксизма внутри европейского и международного социал-демократического движения, то ответственность за дальнейшее углубление и *идеологическое* оформление наметившегося раскола в дооктябрьский и особенно в советский периоды ложится уже целиком на идейную и организационно-политическую линию РСДРП(б).

Как бы то ни было, Каутский не приемлет антидиалектического пафоса Бернштейна, не призывает на помощь «прозревшего Маркса» против Маркса «заблуждающегося» и не считает, что основоположники «изменили свои взгляды», сами того не сознавая.

---

¹⁰ Каутский, К. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 61.

В отличие от Бернштейна, убежденного в самодостаточности реформистской деятельности, он строго различает революцию как конечную цель и значение реформ в условиях развитой буржуазной демократии, утверждает, что не является сторонником легальных форм во всех условиях и «во что бы то ни стало». Реформы не могут привести к социализму, полагает он, так как социализм знаменует качественный скачок, принципиальный разрыв с существующим обществом. Однако, несмотря на все эти «смягчающие» обстоятельства, признаки «измены марксизму» с его стороны Ленин склонен усматривать уже в «половинчатом», «уклончивом» и «примирительном» характере его опровержения «бернштейниады».

Приверженность Каутского идее определяющей роли «экономического фактора» в истории означает не больше, чем признание экономической предпосылочности необходимым предварительным условием *соответствующих* изменений в социальной сфере. Будучи, таким образом, вполне «реалистической», его политическая программа не была в то же время узко *прагматической*, подобно реформистской или ортодоксально-большевистской. Из диалектического понимания теории и практики следовало, что «цели и движение соединены в социал-демократии и не отделимы друг от друга. Если когда-либо цели и движение вступают в конфликт между собой, то должно уступить последнее. Другими словами, *интересы социального развития стоят выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социальному развитию*»¹¹ (курсив мой. — М. К.). По мысли Каутского, если развитие производительных сил ведет к пролетаризации общества, только количественное преобладание пролетариата в общей массе населения может служить гарантией завоевания им политической власти как перехода от буржуазной демократии к «господству большинства». Во многих его работах начиная с 90-х гг. XIX в. встречаются замечания о том, что в Германии промышленный пролетариат численно, организационно и политически превращается в «самый сильный класс», способный в союзе с остальными наемными работниками капитала под руководством социал-демократической партии решить эту задачу и «не найдется такой силы, которая была бы в состоянии оказать ей сопротивление»¹².

¹¹ Каутский, К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). СПб., 1905. С. 18.

¹² Там же. С. 13.

Взгляд Каутского на перспективы развития капитализма базируется на выявленной Марксом логике его диалектического отрицания: естественные законы капиталистического способа производства ведут к его собственному самоустранению. Именно такой вариант решения вопроса о месте капитализма в истории объединяет всех последователей Маркса, как радикальных, так и неортодоксальных. Выводы Бернштейна, пытавшегося противопоставить видимое несоответствие новейших тенденций в развитии капитализма Марксовой схеме исторического процесса, при их диалектической интерпретации не могли ее опровергнуть. Каутский соглашался с тем, что реальный ход истории оказывается сложнее, чем предвидели основоположники, но был убежден в истинности указанного ими общего ее направления. Продолжающийся процесс концентрации производства и собственности, усиление экономических функций государства и усилившаяся борьба за колониальный раздел мира отнюдь не свидетельствовали о «растворении» основного противоречия капитализма в его качественно изменившейся природе, хотя и существенно усложняли классический теоретический портрет, в штрихах которого между марксистами проглядывали и принципиальные разногласия. Разумеется, в теоретических представлениях об империализме и у Каутского, и у Ленина, ставшего его непримиримым оппонентом, можно без труда обнаружить немало элементов «опережающего» отражения действительности, выдаваемых за уже «ставшую» реальность. От «забегания вперед» не были свободны и взгляды основоположников. Собственно говоря, наличие нереализованных возможностей, традиционно рассматриваемое антимарксистами как признак несостоятельности и утопичности марксизма, неизбежно в процессе наложения конкретно-исторических деталей на социально-философскую проекцию и их *переплетения*. При желании можно всегда отделить зерна от плевел. В данном случае заслуживает внимания анализ Каутским кризисного характера генезиса капиталистического способа производства.

Причину периодичности кризисов он справедливо усматривает в «отсутствии планомерности», которую в масштабе общества не способна обеспечить ни одна из форм монополистического объединения, ни все они вместе взятые. Логически вполне допустимо поэтому предположение о том, что кризисный характер производ-

ства устраним лишь при условии превращения его в *один* картель, а это, в свою очередь, достижимо только после упразднения частной собственности, то есть при социализме. В этом пункте он не расходится во мнении с Лениным, полагающим, что «устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, приукрашивающих капитализм во что бы то ни стало»¹³. Социализм, по определению Ленина, есть капиталистическая монополия, обращенная на пользу *всего* общества и потому переставшая быть ею. Вполне обоснованно и утверждение Каутского о том, что капитализм вступил в полосу хронического кризиса перепроизводства. Уже в 90-е гг. XIX в. он отмечает, что «капиталистическое общество начинает задыхаться в своем собственном изобилии; оно становится все менее способным выдерживать полное развитие производительных сил, которые оно само создало»¹⁴. В работе «Социализм и колониальная политика» (1907 г.) Каутский развивает этот тезис, доказывая, что «социализм в настоящее время уже стал экономической необходимостью»¹⁵. Вместе с тем нельзя согласиться с его, безусловно, упрощенной аргументацией данного заявления. Существование экономических границ капиталистического развития он ставит в прямую зависимость от якобы снижающейся емкости рынка сбыта капиталистической продукции в сокращающихся по удельному весу некапиталистических регионах. На этой же основе построила свою концепцию всемирного краха капитализма и Р. Люксембург в «Накоплении капитала». История показала, что абстрактная возможность такого рода не была реализована даже к началу XXI в. Столь же односторонний характер имеет и предположение Каутского о не устранимой при капитализме диспропор-

---

¹³ Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 324.

¹⁴ Каутский, К. Эрфуртская программа. М., 1959. С. 100.

¹⁵ «...Роль сильнейшего стимула развития производительных сил, – пишет он, – капиталистический способ производства уже сыграл. Уже в восьмидесятых годах прошлого столетия капиталистический способ производства достиг того предела, за которым он все больше и больше становится препятствием для дальнейшего развития производительных сил. Еще не в том смысле, что делает невозможным всякий их дальнейший рост; напротив, такой рост все еще происходит; но уже в том смысле, что стал возможным способ производства, при котором развитие производительности происходило бы быстрее, чем при капиталистическом способе производства, что капиталистический способ производства в интересах своего собственного сохранения вынужден ставить все большие препятствия развитию производительности» (Каутский, К. Социализм и колониальная политика. Берлин, 1907. С. 37).

циональности между развитием промышленности и сельского хозяйства, обусловленной различной степенью концентрации производства и собственности.

Симптомом изживания капитализма и перехода капиталистических предприятий в «безличную собственность», по мнению Каутского, является полное устранение организационно-управленческих функций из ведения класса капиталистов, которому «остается только одна задача – пожирать то, что производят другие; капиталист сделался столь же излишним, как и феодал сто лет назад»¹⁶. Это высказывание Каутского не следует, конечно, эксплицировать буквально. Речь, безусловно, идет о долговременной общеисторической тенденции, упоминания о которой встречаются еще у Маркса. «Именно в паразитизме и загнивании капитализма» видит экономическую основу «его высшей исторической стадии» и Ленин. В то же время, акцентируя внимание на переходе «нового капитализма» «к более высокому строю», он резко расходится с Каутским в теоретическом понимании его сущности, не говоря уже о практическо-политических выводах. На протяжении многих десятилетий ленинская критика «каутскианства» в этом вопросе выдавалась ортодоксальным марксизмом за доказательство ее безусловного превосходства по отношению к «реформистской сущности концепции ультраимпериализма»¹⁷. Между тем в этом противостоянии далеко не все рассуждения Каутского выглядят сегодня теоретически безнадёжными и устаревшими. Более того, нынешнюю глобальную гегемонию корпоративного капитала можно вполне рассматривать как «ультраимпериалистическую политику», направленную на «общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом», политику, осуществимость которой была гипотетически сформулирована Каутским.

«И теоретический анализ империализма у Каутского, и его экономическая, а также политическая критика империализма, – по мнению Ленина, – насквозь проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий»¹⁸. Примечательно, что в собственной критике якобы

---

¹⁶ Каутский, К. Эрфуртская программа. С. 101.

¹⁷ Брайович, С. М. Указ. соч. С. 181.

¹⁸ Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 420.

«марксистской» теории Каутского Ленин использует главным образом не диалектический потенциал марксизма, а «убойную силу» идеологических аргументов. *Объективный*, то есть «действительный социальный смысл» теории ультраимпериализма сводится им к «обману масс», к отвлечению их внимания от острых проблем современности в направлении призрачных надежд на возможность постоянного мира в будущем без устранения капитализма. Что же касается собственно теоретических контраргументов, то они весьма уязвимы.

Точкой отсчета в полемике служит определение империализма, данное Каутским¹⁹. Оно действительно не лишено недостатков и, в отличие от ленинского, не обладает системностью. Каутский резко отделяет экономику капитализма, включая процессы вывоза капитала и создания финансовой олигархии, от империалистической политики, хотя и оговаривает, что указанные мировые процессы обусловили ее появление. Империализм для него – это прежде всего политика колониализма, агрессии и милитаризма. В связи с этим он выдвигает задачу борьбы с ней за установление демократических принципов в международных отношениях. Но далее демонстрирует собственную непоследовательность Ленин. Он признает, что «монополия при капитализме никогда не может *полностью и на очень долгое время* устранить конкуренции с всемирного рынка», и усматривает в этом в то же время «одну из причин *вздорности* теории ультраимпериализма»²⁰ (курсив мой. – М. К.). Но если присущая монополии тенденция к застою и загниванию в определенный промежуток времени *преобладает*, она может лишь «до известной степени» искусственно задерживать «побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед». Как бы далеко ни заходила борьба между союзами капиталистов, ведущая к войнам, стремление понизить издержки производства и повысить прибыль посредством технических улучшений заставляет их искать иные средства («кроме войны») для

¹⁹ Определение Каутского гласит: «Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* области, без отношения к тому, какими нациями они населены» (Die Neue Zeit. 1914, 2 (32 т.). С. 909. от 11 сентября 1914 г.).

²⁰ См.: Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 397.

устранения возникающих объективных противоречий. Разумеется, *постоянные* изменения форм этой борьбы «в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин» не меняют «ее классовое содержание». Однако Каутский и не пытается его ни обойти, ни затушевать, якобы «софистически» подменяя «вопрос о *содержании* борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о *форме* борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной)»²¹ (подчеркнуто мной. – М. К.). Ведь если рассматривать, опять-таки по словам самого Ленина, «как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма», то «противоречие между монополиями и существующей *рядом с ними* свободной конкуренцией» (курсив мой. – М. К.) есть, несомненно, одно из них. Принимая во внимание это обстоятельство и исходя, кстати, из того, что «диалектика требует *всестороннего* исследования данного общественного явления в его развитии и сведения *внешнего, кажущегося* к *коренным движущим силам*, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»²² (то есть к соотношению прошлой, опредмеченной, и живой, непосредственной, деятельности. Курсив мой. – М. К.), совершенно неправомерно редуцировать *противоречивую сущность* высшей стадии капитализма к монополизации как явственно обозначившейся (и доминирующей) *одной* ее стороне. Если элиминировать конкуренцию из содержательного анализа империализма в качестве подчиненной, но *сущностной* стороны противоречия, устраняя преемственную связь с предшествующей ступенью, ни о какой *новейшей* фазе в развитии *капитализма* говорить уже не приходится.

«Сглаживает» ли Каутский это коренное противоречие империализма «мертвой абстракцией» и «глупенькой побасенкой» «мирного» ультраимпериализма? Защищает ли он «реакционный идеал» восстановления свободной конкуренции ссылками на «мирную демократию» и «простой вес экономических факторов» или пытается обнаружить «черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»? Дают ли международные картели («будучи одним из наиболее рельефных выражений ин-

²¹ См.: Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 373.

²² Ленин, В. И. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 223.

тернационализации капитала)), которые кажутся ему «зародышами» новой экономической политики, «возможность надеяться на мир между народами при капитализме» или борьба с этой политикой обречена оставаться «добренскими и невинными благопожеланиями»? Наконец, «спрашивается, мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были некратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?»²³. По словам Ленина, «достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного»²⁴. Но в том-то и дело, что уже в самой постановке вопросов заключена *идеологически однозначная* подоплека.

Однозначность (а следовательно, односторонность) классового подхода Ленина вполне устраивает. Как и Р. Люксембург, он видит в идеологической ориентации марксизма и необходимое, и *достаточное* условие его научной состоятельности, что делает не только излишним, но и не совместимым с марксистской теорией внесение в нее каких бы то ни было «двусмысленных» корректив: формулировать «дело научным образом» – значит принимать точку зрения «отношения между классами современного общества». Империализм, полагает он, *теоретически оценен уже во всех своих главных чертах*²⁵. Ленин уходит при этом от вопроса об *экономической* под-

²³ Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 417.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Ленин, В. И. Крах II Интернационала. С. 212, 216. Используя авторитет научного знания для подтверждения истинности выводов, составляющих идеологическое содержание марксизма, Ленин, когда это требуется, указывает и на формальное различие между наукой и марксистской идеологией. «Одно дело, – по его словам, – всестороннее научное исследование империализма; такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще. Другое дело – основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров социал-демократических газет и в решении Интернационала. Социалистические партии – не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата». Интерпретация им соотношения идеологического и научного аспектов марксистской теории примечательна, однако, не указанием на перманентную неполноту теоретического знания о капитализме (послужившую применительно к теории социализма антидиалектику Бернштейну формальным предлогом для лишения ее статуса научности), а отсуствии полномасштабного внимания к диалектическому требованию его *всесторонности*. Ленина ничуть не смущает то обстоятельство, что неоднозначность (внутренняя противоречивость) теоретически отрефлексированного положения в идеологически абсолютизированной транскрипции существенно нивелируется. Напротив. Свою задачу он видит в том, чтобы не дать «себя «поймать» лицемерными речами о том, что «не все одинаково» понимают империализм, что вопрос «недостаточно обсужден» и проч. и т. п. Капитализм во *всех* проявлениях своего

готовленности социализма, утверждая, что «Каутский „осуществляет” передержку», когда приписывает левым социалистам установку на «немедленное осуществление социализма»²⁶. Фактически Ленин подменяет постановку этого вопроса констатацией наличных *объективных* признаков революционной ситуации. В этой связи он замечает, правда, что *никто не может знать*, как долго она продержится и насколько еще обострится, и поручиться «за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация». Во всяком случае, он убежден в том, что «на почве всемирного разорения, созданного войной, растет... всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой»²⁷. Если, таким образом, стратегическая, идеологически выверенная линия марксистской теории сомнений не вызывает, все ее «тонкости» и нюансы, на которые обращает внимание педантичный Каутский, для Ленина имеют принципиальное значение только в интересах разоблачения «протитуированного» марксизма. Поскольку сущность учения Маркса Ленин сводит к теории освободительного движения пролетариата²⁸, «бесспорная» и «самая основная» обязанность социалистических партий заключается, считает он, в том, чтобы «использовать» кризис для «ускорения» краха капитализма»²⁹. Если рассуждать последовательно и объективно, ленинская критика теории ультраимпериализма, «наиболее искусно подделанной под научность и под

грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей *никогда* не будет изучен *до конца*; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. «На этом основании» отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно...» (Ленин, В. И. Крах II Интернационала. С. 216–217).

²⁶ «Каутский, – пишет он, – прекрасно знает, что левые требуют от партии *немедленной* пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма» (Ленин, В. И. Крах II Интернационала. С. 229–230). На деле, однако, это заявление Ленина не более, чем софистический прием, ибо очевидное и для него, и для Каутского отсутствие объективных предпосылок для перехода к социализму в России не могло остановить и, как показали дальнейшие события, ничуть не препятствовало провозглашению большевиками этой исторически невыполнимой задачи после завоевания политической власти. Каутский в данном случае отслеживает *логику* ортодоксального марксистского мышления в ее принципиальных параметрах: не подготавливать же, действительно, революцию ради самой революции?

²⁷ Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 305–306.

²⁸ См.: Ленин, В. И. Крах II Интернационала. С. 227.

²⁹ Там же. С. 222.

международность», выглядит, по меньшей мере, неубедительно. Избегающий радикализма революционной тактики ортодоксальных марксистов, Каутский оказывается в одном ряду с буржуазными реформистами и оппортунистами всех мастей уже вследствие нежелания *со всей определенностью утверждать* в своих прогнозах, что «новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий, – а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «осуществимости» новой фазы я еще не могу решить»³⁰.

«Рассуждая абстрактно-теоретически», соглашается Ленин, к такому выводу «можно прийти», но тут же добавляет, что он будет «упрощен» и (следовательно?) «неправилен». Однако всякое ли упрощение чревато ошибкой? Руководствуясь правилами диалектической логики, очевидно, можно не только ее избежать, но и приблизиться к истине. Критикуя «распроцавшего с марксизмом» Каутского, Ленин исходит из собственного *идеологически-«упрощенного»* представления о механизме социальной детерминации, соглас-

³⁰ См.: Ленин, В. И. Крах II Интернационала. С. 230. Фокусируя внимание на отступлении Каутского от марксизма, Ленин относит к числу его «теоретических ошибок», в том числе, и фактически *прписываемое* ему формально-логическое противоречие. «У Каутского, – отмечает он, – его явный разрыв с марксизмом принял форму не отрицания или забвения политики, не «прыжка» *через* многочисленные и разнообразные, особенно в империалистскую эпоху, политические конфликты, потрясения и преобразования, не *апологетики* империализма, а *мечтания о «мирном капитализме»* (подчеркнуто мной. – М. К.). В то же время он многократно повторяет, что Каутский *затушевывает* «глубину противоречий империализма и неизбежность порожденного им революционного кризиса». «...На практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтания о будущих неострых задачах». Но мечтать можно лишь о том, чего нет в действительности, а «затушевывать» остроту противоречий – только осознавая *наличие* «катастрофического империализма». Следовательно, Каутскому, если он «не перепрыгивал» через «политические конфликты и потрясения» и не относился, с точки зрения Ленина, к числу «апологетов империализма», но оставался «мечтателем» о «мирном капитализме», не было никакого смысла «притуплять» противоречия, «отговариваться» от них или их «забывать». Скорее наоборот, подобно утопическим социалистам, не опирающимся в теории «на идущее в действительности развитие», а произвольно *отрывающимся* «от него во имя этих мечтаний», он в этом случае превратил бы существующие противоречия и прежде всего «самые важные из них» в объект бескомпромиссной критики. Надуманность обвинения в утопизме, в свою очередь, опровергается самим Лениным, так как, по его словам, «не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, – отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., – что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» (Ленин В. И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 96, 98). Корни теоретических разногласий следует, таким образом, искать не в *отступлении* Каутского от марксистской методологии, а в принципиально отличном использовании ее радикальными и неортодоксальными марксистами.

но которому капиталистическая общественно-экономическая формация обречена под грузом неразрешимых противоречий погибнуть «непременно *раньше*», чем достигнет своего логически «мыслимого» предельного состояния (то есть «раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора»). Он оставляет в тени тот «объективно-научный», по выражению Н. А. Бердяева, аспект марксистской теории (или, точнее, подчиняет его «субъективно-классовому»), который в теоретических построениях Каутского и всех неортодоксальных марксистов выступает на передний план, рассматривается в качестве *определяющего*. В подтверждение приверженности диалектическому методу в процессе познания Ленин многократно ссылается на его значение, но фактически диалектика служит ему главным образом орудием революционного *преобразования* и конструирования социальной реальности. По его собственному признанию, «только» «революционность» марксизма формирует и воссоздает его «живую душу»³¹. Руководствуясь этой классово-идеологической меркой, он и «облачает» теорию империализма в практические «одежды», сулящие пролетариату «иллюзорные» надежды. Придерживаясь диалектической логики и учитывая, что «в целом капитализм *неизмеримо быстрее*, чем прежде, *растет*»³² (курсив мой. – М. К.), следовало бы, выкраивая «одежду», оставить, как принято, «на вырост». Новая фаза капитализма «мыслима», подчеркивает он, *после* империализма, то есть в другую историческую эпоху, когда, по Каутскому, якобы «притупляется» острота присущих ему противоречий. «Марксизм в этом построении признается для той «новой фазы капитализма», за *осуществимость* которой сам ее сочинитель не ручается (как будто кто-нибудь на его месте *смог бы* «поручиться» за то, что прогнозируемый ход общественного развития будет *неотвратимым*. – М. К.), а для теперешней, уже наступившей, фазы вместо марксизма подается мелкобуржуазное и глубоко реакционное стремление притупить противоречия»³³.

Оставаясь не только официальным идеологом немецкой и (расколовшейся с началом войны) европейской социал-демократии, но

³¹ См.: Ленин, В. И. Крах II Интернационала // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 227.

³² Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 422.

³³ Ленин, В. И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». Т. 27. С. 97.

еще в большей мере теоретиком марксизма, Каутский лишен возможности «платить» главному идеологу революционного российского пролетариата той же (в виде наклеивания идеологических ярлыков) «звонкой монетой», хотя Ленин не избежал с его стороны обвинений в сектанстве, волонтаризме, авангардизме, измене социалистическим и демократическим принципам и... даже в оппортунизме. Ни свободная торговля, ни демократия, пишет Каутский, *не могут устранить* порождаемых капитализмом экономических противоречий. «Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв»³⁴. Его нелепо, разумеется, представлять в образе социалистического «мечтателя», «уговаривающего» финансистов не делать зла». Не хуже Ленина он сознает, что «капиталисты делят мир не по своей особой злобности», а в зависимости от изменяющегося между метрополиями соотношения сил. Только шесть самых крупных империалистических государств (США, Англия, Франция, Германия, Япония и Италия) владели к 1919 г. колониями, территория которых составляла 36 % территории всей планеты. В разгар беспрецедентной по разрушительным масштабам империалистической войны Каутский высказывает предположение о том, что в зависимости от ее исхода возможно и последующее обострение межнациональных и классовых противоречий, делающее «неизбежной вторую всемирную войну»: «Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма. Ее уроки... могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть»³⁵. Каутский безусловно прав в том, что «стремления капитала к расширению» *«лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией»*³⁶. Война при всей ее исторической неизбежности, вытекающей из природы империализма, обусловлена сочетанием конкретных обстоятельств и являет-

³⁴ Каутский, К. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. Нюрнберг, 1915. С. 73.

³⁵ Neue Zeit. № 5. 30. IV. 1915. С. 145.

³⁶ Цит. по кн.: Ленин, В. И. Крах II Интернационала. С. 236.

ся, скорее, экстремальной, чем *оптимальной* формой разрешения его экономических противоречий. Подтверждением мысли Каутского о наличии экономических тенденций к ультраимпериализму может служить тот факт, что переход развитых капиталистических государств после Второй мировой войны к политике неокOLONIALИЗМА с ее ориентацией преимущественно не на силовые, а «чисто» экономические рычаги эксплуатации, демонстрируя устранение «худших причин» «морального отмирания капитализма», оказывается одновременно для стран «золотого миллиарда» и гораздо более эффективным способом разрешения *внутренних* противоречий.

Невиданный взрыв шовинизма и военной агрессии был воспринят Каутским и многими социал-демократами как колоссальный кризис демократии. Главной задачей социал-демократической партии во время войны Каутский считал борьбу за ее прекращение на основе восстановления и дальнейшей демократизации международных отношений. Вопрос о приоритете демократических или социалистических задач в классовой борьбе пролетариата именно в этот период оказывается для международного социал-демократического движения камнем преткновения и решающим фактором идейно-организационного раскола. Большая часть российских социалистов во главе с Лениным, также как группы К. Либкнехта и Р. Люксембург в Германии и другие объединения европейских социалистов, рассматривали факт кризиса буржуазной демократии в качестве основания для вывода о необходимости ускоренной подготовки к социалистической революции. Каутский представлял господствующее в европейской социал-демократической среде убеждение в том, что война – неподходящий момент для нее. Позиция неприятия пролетарской борьбы за государственную власть, разумеется, резко диссонировала с довоенным «совершенно определенным» утверждением Каутского о том, «что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны, или непосредственно после нее», которую он сформулировал в брошюре «Путь к власти». Тем не менее она отнюдь не свидетельствовала о «сползании» Каутского с высоты *ортодоксального* марксизма к оппортунизму и социал-шовинизму, как полагал Ленин, по той простой причине, что Каутский никогда не был *убежденным* сторонником

решающей роли политического насилия, вытекающей из ортодоксального толкования марксизма.

На каких бы условиях ни был заключен мир, демократических или империалистических, социалисты, считал Каутский, должны будут и после войны бороться за демократию, ибо только она создаст необходимые условия для реализации пролетариатом его конечной цели. Задача пролетариата и его партии состоит, следовательно, не в том, чтобы захватить власть, опираясь на достигнутый (и произвольно определяемый для ее решения) уровень обобществления производства, а чтобы, как утверждал Каутский в конце 20-х гг., формулируя *комплексный* критерий, «создать такие формы жизни, которые превосходили бы существующие формы как с точки зрения трудящихся масс, так и с точки зрения длительного благосостояния всего общества и были бы поэтому благожелательно приняты этими массами и удержаны»³⁷. Сформулированная Каутским идея о вытеснении социализма в недрах капитализма внешне очень напоминает бернштейнианскую концепцию «врастания» капитализма в социализм. Сам Каутский, однако, не соглашался с подобным отождествлением, указывая, что речь у него идет не о «врастании», а о создании «предпосылок». Как было отмечено выше, коренной недостаток бернштейнианских представлений о механизме социальной детерминации связан с непониманием соотношения эволюционной и революционной форм развития, чего нельзя сказать о Каутском.

Отправной точкой социализма, по их общему убеждению, должна служить не кризисная экономическая ситуация развала и хаоса, а сравнительно «процветающий» капиталистический способ производства, который в известной степени уже ассимилировал новые, идущие ему на смену организационно-технологические формы, выявив их преимущества в динамике производительных сил. Новый общественно-экономический уклад становится господствующим по мере роста своей притягательности в общественном сознании, он вырастает как бы из условий свободной конкуренции (в отличие от политически-монополистического диктата, соответствующего ортодоксальному эталону сущности революционных преобразований). Вместе с тем капитализм обнаруживает и свою неспособность к завершению

---

³⁷ Каутский, К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М.–Л., 1931. С. 523.

начавшегося процесса трансформации, в связи с чем возникает необходимость в «акушерской» помощи. На этой основе Каутский выстроил собственную концепцию «измора», «истощения» («морально-го отмирания») капитализма, не считая, однако, что это произойдет автоматически. Но если исходить из того, «что не экономическая гибель промышленного капитализма, а его процветание создает наилучшую обстановку для успеха первых шагов социалистического режима»³⁸, вопрос: где та грань, которая *отделяет* один формационный тип общества от другого, – остается все же открытым.

По отношению к Октябрьской революции в России Каутский придерживался резко «критической» и во многом оправданной позиции. Он неоднократно отмечал, что социалистические преобразования, проводимые большевиками, не имели в России необходимых материальных и духовных предпосылок. «Обстоятельства, – писал он в работе «Демократия или диктатура», – были в высшей степени неблагоприятны для осуществления их намерений и при экономической отсталости страны совершенно отсутствовали все предварительные условия, необходимые для достижения их целей»³⁹. Солидаризируясь с мнением Г. В. Плеханова, Каутский исходил из того, что Россия осталась перед лицом не решенных Февральской буржуазно-демократической революцией задач. В факте роспуска не успевшего приступить к работе Учредительного собрания он справедливо усматривал изначальное стремление большевиков к созданию однопартийной системы. «Чтобы прийти к власти, они выкинули, – по его словам, – за борт свои демократические принципы. И чтобы удержать за собой власть, они свои социалистические принципы отправили вслед демократическим. Они отстояли себя персонально, но принесли в жертву свои принципы и этим проявили себя в качестве истинных оппортунистов. Большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение»⁴⁰. Насилие над историей всегда оборачивается насилием над людьми. И даже благородные цели не могут служить оправданием недостойных средств, если для их реализации еще отсутствуют предпосылки. «Диктатура ведет лишь к такому рода социализму, который называют азиатским»⁴¹.

³⁸ Каутский, К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М.–Л., 1931. С. 595.

³⁹ Каутский, К. Демократия или диктатура. Владивосток, 1921. С. 5.

⁴⁰ Каутский, К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 156.

⁴¹ Там же. С. 225–226.

Новейшие экономические тенденции в развитии капитализма свидетельствовали, как верно подметил Каутский, о формировании новых политико-институциональных форм в практике межнациональных отношений. В эпоху империализма, писал он, буржуазия стремится уже не столько к созданию национальных государств, сколько к «государствам национальностей». Ссылаясь на интеграционные процессы в экономике и культуре, многие социалисты полагали, что уже сбываются предсказания Маркса о полном слиянии всех наций. Такие теоретики социализма, как Н. И. Бухарин и «империалистические экономисты» (как называл их Ленин), предлагали отказаться от ориентации на старомодный принцип национальной государственности в преддверии перехода к интернациональному сообществу. Каутский выступал против экспансионистской политики в любом ее идеологическом облачении: как со стороны реакционных империалистических правительств, так и со стороны революционных представителей пролетарского интернационализма. Завершая работу «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (1915 г.), он писал: «Союз государств, а не государство национальностей или колониальная империя, является той формой больших империй, в которой нуждается капитализм для достижения своей последней высшей степени развития, когда пролетариат осуществит свою конечную цель»⁴².

К концу XX в. каутскианский лозунг Соединенных Штатов Европы, которые, по мнению Ленина, «при капитализме либо невозможны, либо реакционны», стал свершившимся фактом. Объединенная Западная Европа преодолела барьеры, казавшиеся ортодоксальным марксистам неустранимыми вследствие антагонистически противоречивой природы империалистических государств. Принимая во внимание реалии современной эпохи постиндустриализма и глобализации, интерпретация которых не укладывается в прокрустово ложе ортодоксального марксизма, назрела необходимость как в новом теоретическом прочтении каутскианского «марксистского эволюционизма», так и в восстановлении диалектического потенциала марксизма в целом.

---

⁴² Каутский, К. Национальное государство, империалистическое государство, союз государств. М., 1917. С. 87.